

— Идём в мою спальню.

Бабушка Жуань от этих слов опешила и уставилась на внучку. Цинь Хайяо молча всматривалась в лицо Жуань Ихань, после чего едва заметно кивнула:

— Хорошо.

Она ничуть не изменилась. Даже когда её пытались унижить, она держалась со всем тем же тихим достоинством.

Ихань проводила её долгим взглядом, а затем приобняла бабушку за плечи:

— Тебе, бабуль, давно пора отдыхать. Не забивай себе голову всякой ерундой, иди спать.

Контраст был разительным: к бабушке она ластилась, а вот с Цинь Хайяо вела себя как с заклятым врагом.

Бабушка Жуань вяло сопротивлялась, пока Ихань мягко выпроваживала её из гостиной. Стоило им оказаться у дверей спальни, как старушка заговорщически понизила голос:

— А ну-ка выкладывай всю правду: что у тебя с этим доктором Цинь? Кто она такая на самом деле?

Жуань Ихань лишь невинно хлопнула ресницами и будничным тоном ответила:

— Это та самая дрянь, о которой я тебе говорила.

Бабушка застыла на месте. Радостное предвкушение, только-только вспыхнувшее в её глазах, схлынуло, оставив лишь горькое разочарование.

Ихань прекрасно понимала, на что надеялась старая госпожа. Но прошлая жизнь научила её жестокости: нельзя давать бабушке даже слабой надежды. Она обязана пресечь любые тёплые чувства к Цинь Хайяо на корню. Никакой привязанности быть не должно.

Успокоив бабушку, Ихань неторопливо вышла обратно в прихожую.

Цинь Хайяо послушно ждала в гостиной. Безупречно воспитанная, она не сделала ни шагу в сторону и застыла ровно на том же месте, где её оставили.

Ихань окинула её равнодушным взглядом и бросила:

— За мной.

Она шла впереди. Тонкий шёлк ночной сорочки соблазнительно очерчивал изгибы её точеной фигуры — в этом образе сквозила холодная, почти монашеская суровость, странным образом сочетавшаяся с порочной притягательностью. Хайяо послушно следовала за ней шаг в шаг. Её взгляд невольно скользнул по спине Ихань, и она тут же поспешно опустила глаза.

До самой спальни они не проронили ни слова.

Хайяо молча открыла аптечку и принялась выкладывать на столик инструменты: пинцет, спиртовые диски, мазь.

Ихань вела себя вызывающе. Сбросив домашние туфли прямо на ковёр, она забралась на постель, вальяжно откинулась назад и закинула ногу на ногу. Щёлкнула зажигалка, комната наполнилась тонким ароматом табачного дыма. В её позе, ленивой и властной, сквозило откровенное искушение. Настоящая Дацзи во плоти — роковая соблазнительница, упивающаяся собственной властью.

Цинь Хайяо и бровью не повела. Разложив всё необходимое, она подняла глаза на хозяйку комнаты:

— Госпожа Жуань, садьте, пожалуйста, поближе.

Ихань забралась слишком глубоко на кровать, до неё было просто не дотянуться. Приходить в чужой дом и садиться на чужую постель без разрешения — Цинь Хайяо была слишком хорошо воспитана, чтобы позволить себе подобную вольность.

Однако Жуань Ихань сделала вид, что не расслышала. Сквозь полуприкрытые веки она лениво выпустила струйку дыма прямо в лицо гостье:

— Обработывай так.

Слова прозвучали небрежно, почти приказным тоном. В каждом её жесте сквозила издевка, а во взгляде, устремлённом на Хайяо, читалось откровенное пренебрежение, словно перед ней была не гостья и даже не врач, а послушная игрушка.

Хайяо едва заметно прикусила губу. Подавшись вперёд, она потянулась к ране на колене Ихань, стараясь не касаться постели, но молодая хозяйка тут же недовольно нахмурилась:

— Ты собираешься лезть в уличной одежде на мою кровать?

Всем было известно о патологической брезгливости госпожи Жуань. К её вещам без спроса не

смела притрагиваться даже А-Ли.

На кровать садиться нельзя, но и приближаться Ихань отказывалась. Намерение молодой наследницы было очевидным: она откровенно издевалась над Цинь Хайяо, пытаясь загнать её в угол и унижить.

Хайяо пристально посмотрела на неё. В глубине её тёмных глаз вспыхнули холодные искры гнева. Видя это безмолвное раздражение, Ихань довольно ухмыльнулась и небрежным жестом стряхнула пепел.

Но если бы она так легко шла на поводу у чужих капризов, это была бы не Цинь Хайяо.

Густые тёмные волосы шёлковым водопадом скользнули по её плечам. Обладая невероятной, почти неестественной гибкостью, Хайяо зависла над постелью. Она ухитрилась наклониться максимально близко к телу Ихань, при этом ни единым лоскутком одежды не коснувшись покрывала. Вся нагрузка пришлась на мышцы поясницы, а её силуэт изогнулся изящной, натянутой дугой.

Обычный человек не продержался бы в таком положении и полуминуты — судорога свела бы спину. Однако лицо Хайяо оставалось бесстрастным. Она спокойно и методично принялась очищать ссадину. Ихань медленно потушила сигарету о пепельницу и молча, не мигая, уставилась на неё своими бездонными глазами.

На лбу Хайяо выступили мелкие капельки пота. Стараясь закончить как можно быстрее, она аккуратно нанесла мазь на рану.

Прохладное лекарство коснулось обожжённой кожи, отзывшись резкой, ноющей болью. Ихань не сдержалась и тихо, хрипло простонала.

Пальцы Хайяо на мгновение оцепенели. Густой румянец стремительно залил её лицо и шею, но она не подняла головы, делая вид, что полностью поглощена работой. Её прикосновения были невесомыми, полными щемящей, почти болезненной нежности.

Но Ихань продолжала наблюдать за ней с ледяным равнодушием бесстрастного механизма. И стоило Хайяо наложить повязку, завершая процедуру, как молодая наследница холодно процедила:

— И это всё? Решила отделаться наспех, доктор Цинь?

Хайяо растерянно замерла и уставилась на Ихань, не понимая, что не так.

На губах Ихань заиграла опасная, ледяная улыбка. Прежде чем гостья успела сообразить, в чём дело, Жуань Ихань резко вытянула руку и рванула её за талию на себя.

Лишённая всякой опоры, Хайяо вскрикнула и всем телом рухнула прямо на неё.

Ихань безучастно наблюдала за тем, как Хайяо, задыхаясь от смущения, спешно пытается подняться. От прежнего невозмутимого величия не осталось и следа: шёлковые пряди растрепались, щёки пылали пунцовым жаром, а сама она, судорожно прикусив губу, гневно смотрела на мучительницу.

В глазах Ихань не отразилось ни единой эмоции.

— Хочешь что-то сказать? — безразлично спросила она.

Они прожили бок о бок пять лет. Ихань знала её как облупленную.

— Весело вам, госпожа Жуань? — ледяным тоном спросила Хайяо.

Ихань без намёка на раскаяние кивнула:

— Очень.

Хайяо глубоко вздохнула, пытаясь справиться с дрожью в голосе:

— Поиграли — и хватит?

Ихань тихо рассмеялась, но в этом смехе сквозила стужа:

— Всё только начинается. С этого дня будешь приходить ко мне в это же время и обрабатывать рану.

Хайяо до боли закусила губу:

— А если я откажусь?

Ихань прищурилась. Её палец медленно коснулся дрожащих губ Хайяо и нежно очертил их контур. В груди у Хайяо всё перевернулось, голос предательски дрогнул:

— Госпожа Жуань снова опустится до угроз?

— Угроз? — Ихань саркастически усмехнулась. — Скажем так: у меня в запасе ещё много весёлых затей для нашего доктора.

Пусть их былая любовь и оказалась соткана из лжи и предательства, пять лет совместной жизни оставили слишком глубокий след в душе каждой из них. Стереть его было не под силу ни одной. Ихань прекрасно знала, какая её грань заставляет Хайяо терять разум. Её пальцы скользнули с губ на изящный подбородок, слегка сжав его. Взгляд Ихань вспыхнул обжигающим, хищным блеском.

Она начала медленно, дюйм за дюймом, приближаться к её лицу...

Хайяо могла бы без труда оттолкнуть её. Но её тело словно одревенело — она не могла пошевелиться. Каким бы железным ни был самоконтроль, как бы искусно человек ни прятал свои чувства, тело всегда выдаёт правду.

В самый напряжённый момент раздался негромкий стук в дверь, и донёлся бодрый голос бабушки Жуань:

— Доктор Цинь, вы закончили? Выходите арбуз есть!

Хайяо застыла. Ихань мысленно чертыхнулась.

Человеческая симпатия — вещь необъяснимая. Пусть внучка и отозвалась о гостье крайне нелестно, обозвав её дрянью, бабушка Жуань с первого взгляда прониклась к Цинь Хайяо искренней симпатией. С каждой минутой эта тихая, вежливая девушка нравилась ей всё больше.

Цинь Хайяо держалась с безупречным изяществом. Даже просто сидя на диване, она сохраняла идеальную осанку, аккуратно сдвинув колени и слегка наклонив их вбок — эталон скромности и благородства.

Разговорившись с гостьей и узнав, что та преподаёт в медицинском университете, пожилая женщина и вовсе расцвела. Её глаза радостно заблестели, а поток расспросов хлынул с новой силой. Хайяо проявляла ангельское терпение. Она внимательно выслушивала бесконечные, повторяющиеся по кругу истории бабушки, мягко и почтительно ей отвечая.

Жуань Ихань некоторое время безучастно наблюдала за этой пасторалью, после чего молча поднялась и подошла к окну. Распахнув створку, она впустила в тёплую комнату резкий ночной сквозняк. Ледяной ветер больно хлестнул её по лицу, возвращая в ту страшную ночь на краю обрыва. Она словно заново проживала ту невыносимую, парализующую боль.

Поддерживая беседу, Хайяо ни на миг не упускала Ихань из виду. Её взгляд то и дело соскальзывал на одинокий силуэт у окна.

Заметив это, старая госпожа тепло улыбнулась и заговорщически прошептала:

— Наша А-Хань просто ещё совсем ребёнок. Язык у неё злой, а сердце мягкое. Если начнёт капризничать или злиться — не обращай внимания.

Хайяо удивлённо посмотрела на неё. Старушка ласково похлопала её по ладони:

— Ты мне по душе, деточка. Сразу видно хорошего человека.

— Хм, — раздалось у них над головами.

Ихань вернулась к дивану. Её взгляд был абсолютно сухим и колючим:

— Хватит тут семейные посиделки устраивать. Телевизор выключай, бабушка, тебе нельзя долго напрягать зрение. А вам, доктор Цинь, пора уходить.

Подобный приказной тон покоробил пожилую женщину, но Хайяо лишь безропотно поднялась с дивана и вежливо поклонилась хозяйке дома:

— В таком случае я пойду. Доброй ночи.

Рана Ихань затянется в лучшем случае через неделю. А значит, как бы Хайяо ни хотелось избежать этих встреч, ей придётся каждый вечер исправно являться сюда в назначенный час.

На следующий день состоялся первый официальный визит молодой госпожи Жуань в развлекательную компанию «Иян» в качестве полноценного руководителя.

В офисе царило небывалое оживление, смешанное с тихой паникой. Сотрудники ступали словно по тонкому льду, боясь оплошать перед новой владелицей. В такой важный день Ихань, разумеется, сопровождала Цинь Цинь. Они шли плечом к плечу, а за ними послушной свитой следовал целый сонм топ-менеджеров и начальников отделов. Вся эта процессия излучала незыблемый авторитет и силу.

Цинь Цинь вполголоса вводила племянницу в курс дел, рассказывая о достижениях компании за последние пару лет. Поскольку Ихань с детства терпеть не могла бизнес, в офисе семейной империи она появлялась от силы несколько раз в жизни. У пожилой бабушки давно не хватало сил на управление делами, поэтому бразды правления фактически сосредоточились в руках Цинь Цинь.

Перед подчинёнными Ихань держалась на удивление уверенно и властно. Она шла с высоко поднятой головой, и сотрудники, едва завидев её ледяной взгляд, поспешно опускали глаза.

Однако стоило дверям личного кабинета закрыться, отрезав их от посторонних глаз, как новоявленный босс мгновенно растеряла весь свой лоск. Скинув надоевшие шпильки прямо на паркет, Ихань без лишних церемоний развалилась на мягком кожаном диване:

— Ох, мамочки, я сейчас умру от усталости... Тётушка Цинь, умоляю, давай сделаем перерыв! У меня от всех этих графиков и отчётов голова сейчас лопнет.

Цинь Цинь мягко улыбнулась. Присев на край дивана, она принялась заботливо разминать затёкшие ноги племянницы:

— Знаю, глупышка, тебе тяжело с непривычки. Но от этого никуда не деться, теперь это твоя жизнь. Придётся вникать, дорогая. Впереди много важных решений, которые можешь принять только ты.

Ихань даже не взглянула на неё. Она лениво подула на свой безупречный маникюр:

— Пощади меня, тётушка. Ты же прекрасно знаешь, какой из меня управленец. — Она сладко зевнула. — К тому же пришлось встать ни свет ни заря, я просто засыпаю на ходу.

Цинь Цинь покачала головой с мягкой, почти материнской укоризной:

— Ладно уж, отдыхай. — Она повернулась к выходу и негромко позвала: — Секретарь Янь, зайдите.

Дверь бесшумно приоткрылась. В кабинет вошёл импозантный, подтянутый мужчина в строгом костюме и элегантных очках в тонкой золотой оправе. Он почтительно склонил голову:

— Госпожа Жуань, госпожа Цинь.

— Я сама подобрала тебе помощника, — мягко произнесла Цинь Цинь, указывая на вошедшего. — Секретарь Янь долго работал со мной, он досконально знает всю внутреннюю кухню «Иян». Если возникнут вопросы — смело обращай к нему.

Ихань капризно отмахнулась, всем видом показывая крайнее недовольство:

— Терпеть не могу, когда под ногами крутятся мужики. Обойдусь.

Цинь Цинь опешила. Секретарь Янь на секунду застыл, не зная, как реагировать.

Ихань небрежно откинула со лба локон:

— Позже сама выберу себе в секретарши какую-нибудь красотку.

— Ну что за ребячество, — укоризненно, но с улыбкой вздохнула Цинь Цинь, слегка щелкнув её по носу. — Это серьёзное дело, Ихань, а не развлечение.

Но та лишь беззаботно улыбнулась в ответ. В прошлой жизни она бы уже вешалась тётушке на шею и ластилась, выпрашивая поблажки. Теперь же одна мысль об этих прикосновениях вызывала у неё глухой приступ тошноты. Пересилив себя, она заговорила капризным тоном:

— Ой, ну тётушка, ты же так меня любишь! Ну пожалей сиротку, дай мне ещё немного времени освоиться, а пока потяни всё на себе, а?

Цинь Цинь, как всегда, не смогла устоять перед её капризами. Вздохнув, она сдалась:

— Ладно, ищи себе кого хочешь. Но секретаря Яня увольнять запрещаю. Все ключевые решения и документы будут проходить через него, уяснила?

— Да поняла я, поняла. Всё, идите уже, я спать хочу.

Выпроводив гостей, Ихань снова закрыла глаза.

Перед тем как переступить порог, Цинь Цинь оглянулась на безмятежно развалившуюся на диване племянницу. На её губах заиграла едва заметная, торжествующая улыбка. Она коротко взглянула на секретаря Яня. Тот беззвучно кивнул и послушно последовал за покровительницей.

— С этого дня докладывай мне обо всём: что она делает, с кем видится, куда ходит. Каждый шаг, — негромко приказала Цинь Цинь, стоило им выйти в коридор.

Помощник склонил голову:

— Будет сделано, госпожа Цинь. Можете не сомневаться.

За стеной, едва защёлкнулся замок, «спящая» Жуань Ихань резко открыла глаза и села. На её лице не осталось и следа недавнего беззаботного веселья — лишь глухая, ледяная сосредоточенность.

Переждав минуту, она достала мобильный и набрала А-Ли.

— А-Ли, найди мне одного человека.

А-Ли, которая как раз пила кофе внизу в холле, тут же отставила стаканчик и быстрым шагом направилась к подземной парковке:

— Кого именно, госпожа?

— Цзян Цинъюэ, — спокойно ответила Ихань.

А-Ли на секунду опешила. Прижав трубку плечом к уху, она неосторожно плеснула горячим напитком на пальцы и тихонько шикнула:

— Госпожу Цзян?.. Но она ведь...

Ихань прекрасно поняла её замешательство:

— Просто найди её. Скажи, что я тяжело заболела и хочу её видеть. Она приедет.

Цзян Цинъюэ. Взбалмошная и острая на язык наследница некогда влиятельного клана Цзян. Когда-то они с Ихань росли вместе и считались близкими подругами, но несносный характер Цинъюэ — взрывной, капризный и высокомерный — отталкивал от неё людей. У неё почти не было друзей.

В былые времена их семьи связывали прочные деловые узы. Однако несколько лет назад Цзян перешли дорогу кому-то очень влиятельному. Враг нанёс сокрушительный удар, и некогда могущественная династия в одночасье обанкротилась. Впрочем, старая китайская мудрость гласит: «даже сдохший от голода верблюд всё равно крупнее лошади». Семья лишилась былого величия, но на кусок хлеба с маслом им всё ещё хватало.

Раньше при каждой встрече Цинъюэ неизменно пыталась побольнее уколоть Ихань, их разговоры всегда перерастали в шумные ссоры. После краха своей семьи она разом оборвала все старые связи, бесследно исчезнув и из её жизни.

Если бы не трагедия, постигшая дом Жуань в прошлой жизни... Ихань никогда бы не узнала, что эта заносчивая девчонка ради неё была готова пойти на плаху. Она отдала за неё всё. В том кошмарном, предательском мире Цинъюэ оставалась единственным тёплым лучом света — наряду с бабушкой и верной А-Ли. Тогда Ихань сама стояла на краю пропасти и ничем не могла помочь обнищавшей подруге.

Но теперь всё иначе.

Ихань подошла к панорамному окну, глядя на бурлящий внизу мегаполис, на бесконечные

реки машин и суетливых прохожих. Пришло время платить по счетам. За добро — добром, за предательство — кровью.

Судьба дала ей второй шанс. А значит, она просто обязана сделать так, чтобы её дорогая тётушка Цинь больше никогда не испытывала «разочарования».

Её мрачные мысли прервал негромкий стук.

— Войдите, — сухо бросила Ихань, не оборачиваясь.

Дверь мягко отворилась. До слуха донёлся размеренный цокот каблуков, а комнату мгновенно наполнил знакомый, до боли родной аромат прохладной мяты. Глаза Ихань на секунду обожгло слезами. Сделав глубокий вдох и взяв эмоции под жёсткий контроль, она медленно развернулась.

<http://bllate.org/book/20651/2119326>